

рить: „какого тебѣ, Леночка, еще счастья нужно? нашей жизни всѣ завидуютъ“... И правда, — ѣдимъ, спимъ въ волю; можетъ, это и есть счастье? Отчего же мнѣ такъ скучно и противно все это?

„Дядя говорилъ мнѣ еще, чтобы я всѣхъ любила, что тогда я буду счастлива. Но я никакъ не могу понять, — за что я буду любить папашу, мамашу, Володьку, — и потому мучаюсь еще больше. Какъ это любить всѣхъ одинаково? Вонъ бабушку, дядю, нашу Агаю, Григорія Полубарова, его сестру я люблю, потому что и они меня любятъ. А вотъ Володьку я никакъ не могу полюбить... Господи, ничего-то я не понимаю! какъ я глупа, какой я уродъ! Какъ мнѣ скучно! Лучше умереть“...

Скоро Ленѣ стало еще скучнѣе, — умерла бабушка. Она умерла, какъ солдатъ на полѣ битвы, въ кухнѣ у плиты, приготовляя какое-то любимое кушанье для Володеньки, который въ этотъ день прикатилъ изъ Питера, взявъ отпускъ на двѣ недѣли. Со смертью бабушки, у Лены порвалась послѣдняя связь, соединявшая ее съ семейю. Не съ кѣмъ теперь ей стало хоть изрѣдка подѣлиться своими мыслями, и Леночка дичала все болѣе и болѣе. По цѣлымъ днямъ случалось ей молчать, такъ что, когда отецъ или мать обращались къ ней съ вопросомъ, — она даже не сразу могла отвѣтить, чѣмъ вызывала большое неудовольствіе со стороны родителей.

— И что она молчитъ, какъ истуканъ? — жаловалась Ольга Ивановна. — Слова отъ нея не добьешься. Словно у нея языкъ-то отнялся!

— Дурь на себя напустила! — комментировалъ Антонъ Кирилъчъ. — Въ дяденьку своего выродилась, актерствуетъ! Охъ, дѣвка, и доберусь я до тебя когда-нибудь!

Однако и эти угрозы, которыхъ, впрочемъ, Леночка давно уже перестала бояться, не вызывали въ ней никакой реакціи. Станнымъ, задумчиво-удивленнымъ взглядомъ окидывала она отца, мать, и молча уходила изъ комнаты.

„Чего они отъ меня хотятъ?“ спрашивала она себя, бродя по лѣсу или скользя на лодкѣ по уединеннымъ заливчикамъ Карамыша между двумя зелеными шумящими стѣнами. „Вѣдь ничего я у нихъ не прошу, никому не мѣшаю“...

Бывали, впрочемъ, и теперь минуты, когда Леночку тянуло къ людямъ, и ей страстно желалось чьего-нибудь ласковаго слова, добраго отвѣта на всѣ вопросы, возникавшіе въ ея душѣ среди тишины и безмолвія уединенныхъ прогулокъ. Сердце ея закигалось огнемъ, душа наполнялась цѣлыми потоками любви, — она готова была всѣхъ обнять и съ жадной лаской взгляды-